

Дверь за его спиной закрылась.

Су Янь сидел в центре огромной гостиной в полном одиночестве. Последние лучи закатного солнца падали сквозь панорамное окно, растягивая его тень.

Он опустил взгляд на свою раскрытую ладонь.

Там, где край бумаги полоснул по коже, пролегла багровая отметина. Из ранки медленно проступала капля крови. Она скапливалась меж кожных складок, наливалась тяжестью и наконец срывалась вниз.

Упав на ковер, капля мгновенно впиталась в темный ворс, не оставив и следа.

Су Янь неотрывно следил за тем, как кровь исчезает.

Больно.

Острая боль в ладони сплеталась с глухим, ноющим чувством в лодыжке под гипсом. Эти ощущения были настолько ясными, что рывком выдернули его из того состояния пустоты, в котором он пребывал совсем недавно.

Страдание — это тоже дар.

Слова преподавателя Лю отозвались эхом в его сознании.

Ему не нравилось слово дар. Оно звучало как милость.

Но это не милость.

Это все, что у него осталось.

Он медленно, очень медленно сжал кулак. Рана вновь сдавилась, из нее выступила свежая кровь, увлажняя ладонь — липкая и теплая.

Он сжимал пальцы все сильнее, впиваясь ногтями в плоть, доводя боль до предела, до остроты.

Так он подтверждал свое существование.

Он не труп. Трупы не чувствуют боли.

Он поднял голову и посмотрел на сценарий, упавший к подножию инвалидного кресла.

В этот раз его взгляд был иным.

Больше никакой пустоты, никакой слепой ярости. Это был взгляд зверя, запертого в ловушке, но наконец нашедшего свои клыки.

Он наклонился и здоровой рукой поднял сценарий.

В спальню он не пошел. Он остался сидеть в гостиной, позволяя сумеркам сгущаться, пока весь город не превратился в море ослепительных огней.

Он не включил свет.

В холодном сиянии, проникающем снаружи, он листал страницы сценария.

Одну за другой.

Он уже не просто читал — он искал. Искал тот самый момент, когда боксер по имени Цзян Хай станет единым целым с его собственной душой.

Быть преданным, избитым, загнанным в угол, лишиться всего.

Он проводил пальцами по строчкам, принадлежащим Цзян Хаю.

— Думаешь, на этом все?

— Пока я стою на ногах, это еще не конец.

Он не произносил слова вслух, лишь повторял их про себя, снова и снова, собственным голосом. Он вложил в эти фразы свою кровь, свою боль и свою ненависть.

Эти буквы больше не были чернильными знаками — они ожили, превратившись в его кости и сухожилия.

На следующий день, ровно в два часа, прозвучал сигнал домофона.

Вошла преподаватель Лю.

Она увидела, что Су Янь уже ждал ее в гостиной. Он не сидел безжизненно у окна, как вчера, а припарковал кресло в самом центре комнаты. На коленях сценария не было — тот лежал на полу рядом, раскрытый на нужной странице.

Су Янь держал спину прямо.

В глазах преподавателя Лю мелькнуло что-то неуловимое. Она ничего не сказала, просто подошла к нему.

— Вставай, — скомандовала она.

Су Янь не колебался.

Он уперся руками в подлокотники, напряг правую ногу и рывком поднял тело. Левая нога в гипсе тянула его вниз, словно тяжелый якорь, из-за чего все тело невольно задрожало.

Он вытянул руку, ухватился за спинку стоявшего рядом кресла и выровнял положение.

По его виску мгновенно скатилась капля холодного пота.

— Отлично, — кивнула преподаватель Лю. — А теперь отпусти.

Су Янь перехватил дыхание.

Он посмотрел на женщину, но та смотрела на него спокойно, без тени сомнения в глазах.

Он медленно убрал руку с кресла.

В ту же секунду его тело качнулось. Весь вес обрушился на единственную здоровую правую ногу. Мышцы на ней напряглись до предела. Пол, гладкий, как лед, создавал иллюзию, что он вот-вот поскользнется.

Но он устоял.

В этой нелепой, но упрямой позе он сумел удержаться.

— Сцена тридцать вторая, — заговорила преподаватель Лю. — Цзян Хая зажали в переулке, А-Ху требует долг. Твои слова.

Су Янь не отвел взгляда. Он смотрел в пустоту перед собой, словно там действительно стоял

этот самый А-Ху.

Он заговорил:

— Денег нет.

Голос его не был громким, но каждое слово казалось выдавленным из перенапряженных мышц. От усилий челюсти сжались до боли.

— Нет? — преподаватель Лю сделала шаг вперед. Ее голос изменился — стал грубым, наглым, с характерным уличным гонором. — Цзян Хай, ты, мать твою, решил меня развести?

Она вошла в роль.

Су Янь слегка отпрянул, но с места не сошел. Он чувствовал, как бешено дрожит его нога, как рана на лодыжке пульсирует под слоем гипса.

Он собрал всю эту боль и выплеснул ее во взгляд.

— На следующей неделе. На следующей неделе обязательно отдам, — произнес он.

— Да сколько раз я уже слышал твое на следующей неделе! — голос преподавателя Лю внезапно взвился, и она ткнула пальцем почти в самый нос Су Яня. — Слушай сюда: если сегодня денег не будет, я сломаю тебе ногу!

Зрачки Су Яня резко сузились.

— Сломаешь мне ногу? — повторил он. Голос его вдруг стал тихим, а затем он рассмеялся.

Это был не смех. Это был звук, более жуткий, чем рыдания. Уголки губ поползли вверх, но в глазах не было ничего, кроме ледяной, выжженной пустыни.

— Ну так давай, — сказал он.

Он сделал шаг вперед.

Один этот шаг вытянул из него последние силы. Правая нога подогнулась, тело резко подалось вперед.

Он не попытался ни за что ухватиться.

За миг до падения он невероятным усилием воли выровнялся.

Теперь он был еще ближе к преподавателю Лю.

Он поднял голову и прямо посмотрел ей в глаза.

— Ломай, — чеканя каждое слово, сказал он. — Если сегодня не сломаешь, на следующей неделе я, мать твою, сломаю твою.

Сказав это, он почувствовал, как из тела ушла вся энергия.

Он больше не мог стоять, обмяк и тяжело рухнул обратно в инвалидное кресло.

От сильного удара кресло откатилось назад.

Сидя в нем, он жадно ловил ртом воздух, а пот градом катился по подбородку, оставляя темные пятна на хлопковой ткани одежды.

В гостиной воцарилась мертвая тишина.

Преподаватель Лю стояла на месте и смотрела на него.

Долгое время спустя она негромко произнесла — ее голос снова стал спокойным, как обычно:

— Твоя правая нога дрожала.

Су Янь не ответил, он все еще тяжело дышал.

— Ты боялся. Но ты превратил этот страх в гнев, — сказала преподаватель Лю. — В следующий раз я не хочу видеть гнев.

— Я хочу увидеть, что останется, когда исчезнет и твой гнев.

Сказав это, она не задержалась ни на секунду, собрала вещи и ушла.

Когда вернулся Гу Ечэнь, было уже совсем темно.

Он открыл дверь. В гостиной не горел свет, лишь огни города за окном очерчивали контуры мебели.

Он замешкался, снимая обувь.

Потому что увидел, что Су Яня в кресле нет.

Тот сидел на ковре, прислонившись спиной к дивану. Левая нога вытянута — белый гипс в полумраке казался особенно заметным. Правая нога согнута в колене, рука небрежно покоилась на ней.

Сценарий лежал рядом.

Он не спал. Он услышал, как вошел Гу Ечэнь, но не обернулся. Он продолжал смотреть на ночной пейзаж, словно в этой фальшивой звездной россыпи было что-то достойное его внимания.

Гу Ечэнь подошел ближе.

Его дорогие кожаные туфли ступали по мягкому ворсу почти бесшумно.

Он остановился перед Су Янем, и его тень полностью накрыла его.

Су Янь медленно поднял голову.

Взгляды их встретились.

В глазах Су Яня больше не было ни той пустоты и мертвого безразличия, что были несколько дней назад, ни прежнего испуга и отторжения.

В них царил покой.

Спокойствие, подобное пеплу после пожара. Но под этим слоем пепла таилась искорка. Черная, холодная, полная упрямства, готовая утянуть за собой в ад все сущее.

Гу Ечэнь смотрел в эти глаза очень долго.

А затем присел на корточки.

Оказавшись на одном уровне с Су Янем, он протянул руку к его лицу.

Су Янь не отстранился.

Он смотрел, как рука перед его глазами становится все больше.

Холодные пальцы Гу Ечэня коснулись щеки Су Яня. Кожа последнего горела от недавнего напряжения. От этого контраста холода и жара по телу Су Яня пробежала легкая дрожь.

Но взгляда он не отвел.

Большой палец Гу Ечэня мягко и медленно погладил его по щеке. Словно он проверял на ощупь текстуру принадлежащей ему вещи.

В глазах Су Яня он видел свое отражение — равнодушное, властное, контролирующее все вокруг.

А под этим отражением он видел ту самую черную искру, которую зажег собственными руками.

Уголки губ Гу Ечэня дрогнули, изогнувшись в едва заметной усмешке.

Довольной, одобряющей усмешке.

<http://bllate.org/book/21842/2264545>